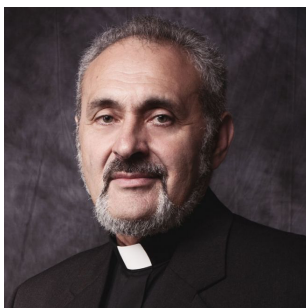

Имплементация *Semper Reformanda* во временных и культурных контекстах Восточной и Западной Европы

Сергей САННИКОВ, ЕААА, Одесса, Украина

«Богословские размышления» / Спецвыпуск «РЕФОРМАЦИЯ 500», 2015, с. 9-25. © С.В. Санников, 2015

Сергей Викторович Санников – пастор, капеллан, доктор служения. Автор многочисленных публикаций, в том числе двухтомника "Двадцать веков христианства", "Популярная история христианства" и серии книг "Начатки учения" ("Фундамент"), которые используются при подготовке к водному крещению. Преподаватель истории Церкви, основатель и главный редактор альманаха "Богомыслие". Первый ректор Одесской богословской семинарии, Президент Евро-Азиатской Аккредитационной Ассоциации.

Тезис этого короткого эссе очень прост. Прежде всего хотелось бы показать, что Реформация – это не событие или явление, а процесс, который является инструментом преобразования общества, церкви и личности; и второе, более трудное задание – очертить траекторию в реформационных процессах, которые проходили на Западе и на Востоке. И в заключении попытаемся показать важность сегодняшней и будущей Реформации и предостеречь от почти неизбежных ошибок.

Представление о Реформации

Классическое определение Реформации, кочующее из источника в источник, которое можно найти в любом энциклопедическом словаре, представляет Реформацию как «движение религиозного возрождения, охватившее Европу в XVI веке»^[1]. Словарь Брокгауза и Ефрона определяет реформацию как: «1) преобразование, улучшение. 2) Истор., церковное и общественное движение в Зап. Европе в XVI в., направленное против злоупотреблений католической иерархии с папой во главе, стремившееся к очищению церковного строя и христиан. вероучения от средневекового нароста и имевшее последствием образование протестантских церквей»^[2]. Такого же определения придержи-

^[1] Протестантская Реформация // Теологический энциклопедический словарь / Ред. У. Элвелл.

^[2] Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / В современной орфографии. – Петербург: Издательское общество «Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон», 1907–1909.

живается М. Н. Черенков и западные исследователи (например Алистер Мак-грат). Новая философская энциклопедия дает более широкое представление о религиозной реформации как о «приведении сложившихся форм той или иной религии в соответствие с изменившимися условиями»^[3].

Понимание реформации как изменения в соответствии с новыми условиями бытия позволяет глубже понять девиз Реформации: «*Ecclesia reformata, semper reformanda, secundum verbum dei*», и при таком подходе вряд ли можно согласиться с заявлением А. Карташева, что «сущность реформации может быть определена как упрощение, урезание, упразднение того сложного религиозного целого, которое было донесено католической традицией до XVI века»^[4]. Скорее следует принять мнение И. Мейендорфа, что «на реформацию нельзя смотреть как на единичное событие, хронологически ограниченное XVI веком: она является, по существу, **открытым** движением»^[5].

Библейский базис

Религиозную реформацию в контексте христианства начал, по сути, его Основатель. Иисус, как Пророк и Учитель, не был Реформатором в общепринятом смысле этого слова. Он не призывал к реформам и не осуществлял их. Совершенно несправедливо понимать Его как политического Реформатора-революционера, хотя христианство как историческое явление полностью реформировало Римскую империю и все античное общество. Его нельзя рассматривать как религиозного Реформатора иудаизма, возвращающего эту религиозную систему к вере Авраама и пророков. Он не пришел для реформирования морали и этики, хотя многие современные авторы считают, что это именно так. «Иисус Христос выступал как Реформатор прежних моральных устоев»^[6], — заявляет Ю. Хрусталеv в своем учебном пособии. Моральные устои действительно были реформированы, но не из-за целенаправленных действий Иисуса. Это стало следствием христианизации. Но Филипп Шафф пишет очень точно, что Христос «не есть исключительно нравственный реформатор, проповедавший чистую мораль, не просто исправитель религии, уничтожавший древние теологические заблуждения и учивший высшей идее Бога. Он всем этим был и мог всегда быть; но все-таки это мало для того, чем действительно Он был»^[7].

По сути, Христос пришел от Бога как Реформатор всей Вселенной, Космоса в самом широком смысле этого слова. Цель Его прихода на землю зак-

^[3] Новая философская энциклопедия: в 4-х том. Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. — М.: Мысль, 2000-2001. URL: <http://iph.ras.ru/elib/2582.html>

^[4] Карташев А. Реформа, реформация и исполнение церкви. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1922-naputiakh-AK-reform.php>

^[5] Прот. Иоанн Мейендорф. Значение Реформации как события в истории христианства / Доклад, прочитанный 10 июля

1963 г. в Монреале, «Вера и Церковный порядок» Всемирного Совета Церквей. «Православие в современном мире». — М.: Путь, 1997. — С. 129-148. URL: <http://orthodox.ru/olb/275.php>

^[6] Хрусталеv Ю. М. Биоэтика: Учебник. — С. 125.

^[7] Шафф Ф. Иисус Христос — величайшее чудо истории. — М., 2011. — С. 27.

лючалась в истинной и глобальной Реформации, то есть в особом преобразовании всего Творения, испорченного грехом и Божьим противником. Но способ проведения Его реформ был не общественно-политический и даже не индивидуально-личностный. Его реформа была направлена прежде всего на духовный корень проблем этого мира. Он пришел умереть, чтобы жизнь Его восторжествовала в погибающем мире, искаженном грехом, и чтобы все творение «освободилось от рабства тлению» (Рим.8:21), и в конце концов «все небесное и земное соединить под главою Христом» (Еф.1:10). То есть, Он имел не только цель и программу реформ, но и заложил их необратимость на Кресте, а также подготовил группу учеников, через которых и начал Свою Реформацию.

Эта Реформация Творения (космоса как материально-духовной реальности) начинается с преобразования людей и заканчивается очищением и преобразованием Вселенной, когда «и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог все во всем» (1 Кор.15:28). При таком подходе Реформацию следует рассматривать в категориях библейского апокатастасиса, не имея в виду отрицания вечного мучения, а используя прямой евангельский смысл этого слова (как в Деян.3:21), означающий восстановление, возвращение в первоначально утраченное состояние.

Движущая сила этой Реформации Вселенной – живое присутствие Воскресшего Христа в Духе Святом, а инструментом Реформации становится Церковь – Вселенское Тело Господа, которое представляет Христа на земле и через которое Глава, управляя членами этого Тела, осуществляет Свою волю, совершая домостроительство Царства Божьего. Таким образом фраза *semper reformanda* означает **постоянную реформационную деятельность Духа Святого по преобразованию общества через Церковь и преобразование и обновление самой Церкви в связи с меняющимся обществом**. Это процесс диалектически взаимосвязанный и взаимозависимый.

С этой точки зрения становится понятным почему необходимо постоянное изменение и реформация самой церкви и почему Христос не создал статичную и неизменную религиозную систему по образцу иудаизма. Моисеево законодательство было начальной, младенческой стадией в домостроительстве Божьем. Потому Павел и пишет о нем как о детоводителе ко Христу (Гал.3:24). На том этапе человечество должно было получить жесткую структуру и неизменные правила поведения, чтобы научиться вере Авраама. Но пророки ясно предсказывали, что наступят дни, когда «вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом» (Иер.31:33). Это Новый Завет благодати, который осуществляется с дня Пятидесятницы, когда Дух Святой меняет сердца, поведение, мысли и поступки тех, кто доверил себя Иисусу, и потом ведет их к выполнению воли Божьей.

С точки зрения теозиса и библейской перспективы Вечности, надо говорить не просто о восстановлении утраченного образа Божьего в человеке, но

о подъеме человека на гораздо более высокий уровень богопознания, чем имели прародители в Эдемском саду. Отныне человек, прошедший опыт греха и свободно вернувшийся к Богу посредством благодати Христовой, может достигнуть положения чада Божьего, предсказанного пророками: «вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы» (Пс.81:6; Ин.10:34). То есть реформация человека происходит через его возрождение и формирование новой природы, рожденной от Бога, и Церковь как раз и есть сообщество возрожденных и обновленных личностей. Но в таком случае, как и зачем говорить о постоянной Реформации в Церкви? Разве для Церкви недостаточно того, что каждый ее член однажды пережил возрождение и стал новым творением во Христе?

К сожалению, церковь реформированная должна продолжать реформацию в себе, и это соответствует ее двойной природе. Она есть органическое соединение неслиянного Небесного и земного, как и сам ее Глава — Христос — одновременно и Сын Божий, и Сын Человеческий, «показываемый в двух природах неслитно, непревращенно, неразделимо, неразлучно», как сказано в халкидонском символе веры. Так и церковь Христова, с одной стороны имеет божественную природу организма, а с другой стороны являет себя в мире как организация. И в этом диалектическом единстве человеческого и божественного она, как Тело Христово, не нуждается ни в каких реформациях, но, как **земная организация, постоянно нуждается в корректировке и приведении себя в соответствие с идеалом, который видит в ней Бог.**

Именно эта земная составляющая церкви Христовой — церковь странствующая — и есть предмет *Semper Reformanda*, хотя с духовной точки зрения церковь странствующую нельзя отделить от церкви торжествующей, состоящей из святых, достигших вечности. Церковь едина, но все же как Христа во время Его странствования по Иудее можно было пощупать, обидеть и даже распять, так и церковь странствующую можно корректировать и обновлять Реформацией. Ясно, что ни одна земная организация, будь то конфессия, деноминация или просто группа христиан, не должна брать на себя дерзкую смелость считаться странствующей церковью Христа в исключительном понимании этого слова. Ибо кто принадлежит к Телу Христову, знает только Глава, и никакой обряд или запись в церковной книге не может гарантировать людям эту принадлежность. Но каждая конфессиональная группа не только может и должна реформировать себя, но и на практике она это делает.

Краткий исторический экскурс

Исторически Реформация Церкви странствующей начинается в общинах веры буквально с первых лет их существования. Восторженное и экстатическое состояние первой мессианской общины в Иерусалиме, ожидающей близкого пришествия Христа и живущей в форме кибуца или христианского коммунизма с равной собственностью должно было скоро подвергнуться Реформации со стороны Святого Духа, ибо это не идеальное состояние, а только исторически адекватное своему контексту. Коррекция произошла через гоне-

ние, через обращение язычников и борьбу павлианского и фарисейско-законнического богословия. В ответ на все эти воздействия общины начали менять свои подходы к служению, организацию и способ существования и даже взгляды на богословие и самоидентификацию.

В период мужей апостольских происходят изменения в структуре управления общинами в понимании апостольской традиции и отделения от нее чужой, гностической традиции. Развивается иерархия, ритуальность, очень скоро появляются различные богословские школы. Часть изменений совершается под действием Святого Духа и адекватно отвечает изменившимся условиям жизни церковного сообщества, часть происходит под чисто человеческим влиянием, но уже с первого века Господь тихо и как бы незаметно готовит безошибочный критерий, по которому будет проверяться правильность любых реформ — богодухновенные писания, которые Дух Святой через общины веры отделяет от остальной части апостольского предания. Сообщество рожденных свыше людей без участия официальных структур и церковных соборов распознает веру, переданную от Христа через Его учеников в 27 книгах, написанных во второй половине первого века, и отвергает другие тексты. Многие из отвергнутых писаний, такие как Дидахэ или Пастырь (Ермы), написаны очень авторитетными людьми, и некоторые, возможно, даже Апостолами. Но не авторство самых значимых в христианстве людей придает тексту богодухновенный авторитет, а действие Святого Духа. Поэтому в каноне отсутствует евангелие князя апостолов — Петра, но включено евангелие Луки, который сам даже не видел Иисуса. Так к IV веку окончательно сформировался эталон Реформации как зафиксированная письменно и потому неизменная часть учения Христа, переданная через мужей Божьих.

Постоянная Реформация шла как непрерывная борьба различных групп и взглядов как в Античном христианстве, так и потом в Средневековом. Часто эта борьба превращалась в борьбу государства с религиозными диссидентами, в борьбу богословских воззрений на Вселенских и поместных соборах, в борьбу различных традиций и ритуалов, навеянных культурным ареалом. Вполне понятно, что многие реформы античного и средневекового христианства совершались не так, как того желал Дух Святой. Многие служители поступали по чисто человеческому произволу, не умея, а, возможно, и не желая слушать руководящий голос Христа.

Реформы, проводимые без участия Господа, часто создавали все более трагический разрыв между земной, странствующей церковью Христа и Церковью Торжествующей, и поэтому вполне предопределенно должны были появляться внутри общин люди, начинающие реформацию в подлинном смысле этого слова — как апокатастасис — восстановление потерянного и возвышенного на новом уровне. Иногда они оставались в своих поместных церквях и им удавалось провести реформы в соответствии с Духом Божиим, чаще их изгоняли и преследовали, и они вошли в историю как предшественники протестантской Реформации.

С V века, когда уже стал очевидным разрыв между восточным, грекоговорящим, и западным, латиноговорящим христианством, явно формируются две различные традиции в христианстве. Западная традиция, гораздо более динамичная и деятельная, вводит все новые и новые идеи в богословие и церковную практику. Восточная — более созерцательная и философичная, можно сказать, останавливается в VIII веке в своем доктринальном развитии, и так называемое «живое предание» с этого времени существует и умножается только в тонкостях ритуалов и в проникновении языческих суеверий.

Такие особенности и предопределили появление одной из переломных точек в траектории постоянной Реформации — возникновение протестантской Реформации XVI века. Она началась в контексте западно-европейской традиции и дошла на Восток только до центрально-европейского разлома цивилизаций. Линия этого разлома проходит, как считает Сэмюэл Хантингтон, «вдоль нынешних границ между Россией и Финляндией, между прибалтийскими странами и Россией, рассекает Белоруссию и Украину, сворачивает западнее, отделяя Трансильванию от остальной части Румынии».^[8] Почему так случилось? Можно много говорить о предпосылках европейской Реформации. Алистер Макграт в своей книге^[9] показывает и социально-политические, и экономические, и даже провиденциально-личностные причины Реформации, но это все чисто внешние проявления более глубинных духовных процессов и отличий Восточной и Западной цивилизаций.

Западно-европейская цивилизация и латинское христианство в своем духовном подходе формировали общество, готовое к развитию и самокритике, оно всегда подчеркивало ценность индивидуума, отдельного человека — то ли в лице папы или короля, то ли (после радикальной Реформации) каждого человека в отдельности. Поэтому именно в Европе в XVI веке появляется протестантская Реформация в двух основных формах.

Магистерская реформация (лютеранство, кальвинизм, англиканство и др.), проводимая через государственные органы управления, была в основном озабочена реформой богословия и церковного устройства, а также частично ритуалом и формой богослужения. Это были важные и очевидно нуждающиеся в реформации области, но часто восстановление первоначального смысла христианства сводилось к механическому отсечению всего наносного и чужеродного. Возрожденческий принцип *Ad fontes* в этой среде был воспринят чисто внешне, как отказ от традиции и удаление следов папизма. Реформация носила скорее отрицательный, чем положительный характер. Она больше отменяла, чем созидала, хотя позже начинается и созидательная деятельность реформаторов.

Другое направление протестантской Реформации — радикальная Реформация; она пошла в смысле отрицания еще дальше. Ее мистическое крыло в реформаторском порыве даже забыло о Писании. Радикалы верно поняли

^[8] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. — 1994. — № 1. — С. 37.

^[9] Макграт А. Богословская мысль Реформации.

намерение и деятельность Христа, что Реформация должна начинаться с человека, а не с общества, и потому строго настаивали на взрослом крещении, в котором человек сознательно и свободно заявляет о своей посвященности Христу и происшедших в его душе переменах. Но объективная необходимость в строгой церковной дисциплине, которая нужна для внешнего подтверждения отделенности святого от профанного, для проведения границы между обществом святых и миром греха, неизбежно привела к сектантской замкнутости с опорой на традицию, которая выдается как сохранение первоначального апостольского христианства.

То есть и в этой группе идею апокатастасиса, или, говоря языком гуманистов, *Ad fontes* (назад к источникам) поняли еще более механически, чем в магистерской реформации. Особенно ярко это видно на примере современных наследников анабаптистской традиции – амишей; они, как бы отсекая «человеческие предания», сохраняют консерватизм, который, как пишет Джеральд Брей, «возложил на них ярмо традиции более тяжелое, чем средневековая церковь могла когда-либо себе представить»^[10]. Однако, как пишет он дальше, «глас опыта утверждает, что у церкви, которая постепенно изменяется, есть больше шансов быть *semper reformanda*, чем у церкви, которая пытается начать все с чистого листа, заменяя старую структуру своей версией «чистой» еkkлeсии Нового Завета»^[11]. Более умеренная версия радикальной Реформации – поздний протестантизм, который понял эти ошибки и стал более динамично развивающимся и реформирующим самого себя движением. Но по мере институализации и эти группы «застывали» в своем развитии и входили в конфликт с обновляющим движением Святого Духа.

То есть, если действительно говорить о Реформации как о восстановлении и развитии первоначального замысла Божьего, выражающегося не через простое повторение раннего христианства, а в форме диалектического возвращения назад, поднимаясь выше, в форме спирали, под водительством Духа, то мы вынуждены повторять: «*ecclesia reformata, semper reformanda*». Но тут надо вспомнить и окончание этой фразы: «*secundum verbum dei*» (согласно Слова Бога). То есть истинная Реформация может идти только по Слову Божьему. Это включает и личное откровение, и записанное в форме Писаний, которое проверяет личное. То есть Реформация должна проводиться не по замыслу человеческого, а по управлению Божию. А для этого церковному руководству надо научиться слушать и слышать голос Духа.

Особенности Реформации на Востоке

Реформация, проходившая в XVI веке в западной Европе, очень активно коснулась Чехии и Речи Посполитой во второй половине XVII и начале XVIII века, но остановилась на пороге византийского мира. Хомяков задает рито-

^[10] Джеральд Брей. Писание и традиция в богословской мысли Реформации // Евангельское богословское обозрение. – 1995. –

№ 192 (апрель). – С. 157-166. URL: <http://www.reformed.org.ua/2/438/Bray>

^[11] Там же.

рический вопрос: «По какой причине протестантство, оторвав у папизма половину, или без малого половину его последователей, замерло у пределов мира православного?»^[12]. Его ответ лозунгово прост, как, собственно, и вся витиеватая аргументация основателя славянофильства, и выражается в фразе, повторяемой восточными политиками во все века, вплоть до лозунгов вождя мирового пролетариата: «Учение всесильно, потому что оно верно». Византийское христианство с точки зрения его приверженцев не нуждается в реформации, потому что оно верно. «Мы не можем иметь ничего общего с Реформой, ибо стоим на совершенно иной почве... Внутренняя цельность Восточной Церкви утверждается в неповрежденном хранении учения Христа, от которого, к сожалению, отступила Церковь Западная»^[13], — самоуверенно провозглашают восточные учителя до наших дней.

Но историческая реальность говорит, что восточное православие не раз реформировалось, как в сторону нововведений и человеческих наслоений (идея «Живое предание»), так и в очень скромных попытках очищения от них. И реформы в этой группе христианства носили как скрытый, медленный «ползучий» характер, так и проходили в виде целенаправленных активных действий.

Период протестантской Реформации в Западной Европе не обошел своим пассионарным влиянием восточноевропейские земли. Уже в XVII веке в Московии, которая начала превращаться в это время в Российскую империю, прошла грандиозная церковная реформа, породившая раскол и старообрядческое движение. Хотя эта реформа и не касалась доктрин и по сути была только реформой обрядовой, но для византийского сознания это было серьезней и важнее богословия. Количество жертв этой Реформы вполне сопоставимо с жертвами религиозных войн, проходившими в Европе. Например, считается, что так называемые «гари» (самосожжения старообрядческих семей) унесли жизни не менее 20 тысяч человек. Следующей реформой, потрясшей самые основы Восточной церкви, была реформа Петра I, который в начале XVIII века устранил патриаршество и ввел управление через Священный синод. Ф. М. Достоевский писал по этому поводу: «церковь в параличе с Петра I»^[14]. Наличие реформ в Восточной церкви осторожно признает такой серьезный православный ученый, как Иоанн Мейендорф, говоря: «...даже до сего дня Восточная Церковь раздирается подобного рода движениями, как, например, греческие старостильники. В России было всегда много мистических сект».^[15]

Еще больше реформ на Востоке происходило не явно, а почти незаметно, а некоторые происходят и в настоящее время. Павел Адельгейм в книге «Догмат о церкви в канонах и практике»^[16] убедительно показал медленные и посте-

^[12] Хомяков А. С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. Сочинения. Т. 2. — М., 1994. — С. 29.

^[13] Васечко В. Н. Сравнительное богословие (Курс лекций). — Holy Trinity Orthodox School, 2000. — С. 31.

^[14] Достоевский Ф. М. Дневник 1881 г.

^[15] Прот. Иоанн Мейендорф. Значение Реформации как события в истории христианства / Доклад, прочитанный 10 июля 1963 г. в Монреале, «Вера и Церковный порядок» Всемирного Совета Церквей. «Православие в современном мире». — М.: Путь, 1997. — С. 129-148. URL: <http://orthodox.ru/olb/275.php>

пенные изменения, происходившие во многих областях жизни византийского христианства, особенно на Руси. Интересна его оценка изменений, происходящих в Русской православной церкви (РПЦ) в XX столетии. Он сравнивает четыре редакции устава РПЦ с 1917 по 2000 год и показывает, как высшая власть в РПЦ – законодательная, административная, судебная и контролирующая, – первоначально принадлежащая поместному собору, постепенно переходит в руки архиерейской корпорации. «Собор 1917-18 гг. оставляет за собой всю полноту церковной власти: законодательную, административную, судебную и контролирующую. Положение 1945 г. и Устав 88 г. исключают «контролирующую» власть из компетенции Поместного Собора и никому её не передают. Устав 2000 г. исключает из компетенции Поместного собора «законодательную», «контролирующую», «административную» и «судебную» власть... Устав 2000 г. передаёт высшую «законодательную и судебную» власть Архиерейскому собору, а «исполнительную» – Патриарху и синоду».^[17] Поместному собору остается «высшая власть» в области вероучения и канонического устройства. Так фактически восстанавливается синодальная практика назначений епархиальных архиереев решениями Синода и Архиерейский собор заменяет собой Поместный собор, формируя строгую вертикаль власти.

Приход при новой организации церковной жизни, считает П. Адельгейм, не имеет никакого влияния на церковное управление, и, более того, само понятие «приход» заменено на понятие «миряне». «Устав 1988 г. наделяет каноническим статусом случайную группу лиц в количестве 10 человек, которые вместе с причтом храма составляют Приходское собрание»^[18]. Для остальных прихожан не предусмотрено никаких прав, и такое положение формирует их потребительское отношение к богослужению. Прихожане остаются непричастны к управлению приходом, лишены участия в обсуждении проблем приходской жизни, хотя Устав 1917 года давал совсем другую перспективу. Он делал мирян прихожанами (т. е. зафиксированными участниками конкретного прихода) и наделял их не только обязанностями, но и правами.

То есть, реально в РПЦ (МП) даже сейчас происходит Реформация, но негласно с постоянным провозглашением того, что никакие изменения и реформы в восточном христианстве не происходят и невозможны.

Обобщая особенности реформационных процессов на Востоке, можно сказать, что реформы, имевшие успех (завершенные реформы), здесь всегда идут только «сверху», от власть имеющих (от императора, патриарха и пр.), но никогда не начинаются от народа, не рождаются в народной среде и, похоже, нежеланны для основной массы людей^[19]. Другой особенностью завер-

^[16] http://krotov.info/library/01_a/de/lgeym_02.htm

^[17] Адельгейм П. Догмат о Церкви в канонах и практике. – Псков, 2002. – С. 52.

^[18] Там же.

^[19] Безусловно, это не значит, что в народной среде не возникают попытки реформ. Появление большого количества так назы-

ваемых «сект» и диссидентских движений, начиная с XIV века, говорит о желании реформ у отдельных людей или групп, но печальная судьба этих реформационных начинаний (полное уничтожение или маргинальное существование) свидетельствует о невостребованности Реформации широкими массами. На это же указывает и К. Ле-

шенных восточных реформаций является то, что они почти всегда меняют только форму, а не содержание. Поэтому постреформационная система отличается от дореформационной чаще всего только внешним устройством, а не внутренним содержанием. Поэтому вполне уместно называть восточные формы реформации псевдореформацией.

Причины псевдореформации на Востоке

В чем же причина такого своеобразного проявления реформаторского духа (*semper reformanda*) у восточнославянских народов? Возможно, интуитивное убеждение А. Хомякова отчасти верно, когда он утверждал, что остановка подлинной Реформации как обновления Духа в центральной Европе связана с византийским мышлением. Но не в части его неизменности и истинности, а в части ментальных и мировоззренческих особенностей этого типа мышления. Именно византизм, а не этнические, религиозные, климатические или экономические особенности определяют внешнее отсутствие реформ в этой части мира или их своеобразный (внешний) характер. К. Леонтьев указывает, что «Византийский дух, византийские начала и влияния, как сложная ткань нервной системы, проникают насквозь весь великорусский общественный организм»^[20], а лидер Евразийского движения А. Дугин считает: «двойное наследие — византизм и преемственность Орде — сделало русских русскими»^[21]. Скорее всего это так и есть.

Византизм следует отличать от православия как религиозной системы. Наиболее глубокий исследователь византизма К. Леонтьев в своей программной работе «Византизм и славянство» дает такое определение византизма: «Византизм есть прежде всего особого рода образованность или культура, имеющая свои отличительные признаки, свои общие, ясные, резкие, понятийные начала и свои определенные в истории последствия»^[22]. То есть, он относит византизм к культурным, а не религиозным явлениям. Об этом же говорит А. Р. Геворкян, один из идеологов современного византизма, утверждая, что византизм «не «воцерковлен» в смысле отождествления себя в полной мере с церковной идеологией, а является идеологией государственного строительства»^[23].

Для византизма характерны подчеркивание ортодоксальности и неизменности. Иногда это не совсем точно называют консерватизмом. Хотя исторически византизм сформировался от Константина Великого до Юстиниана Великого, то есть не ранее IV–V века, византийское мышление убеждено, что

онтьев, говоря в работе «Византизм и славянство»: «Даже все почти большие бунты наши никогда не имели ни протестантского, ни либерально-демократического характера, а носили на себе своеобразную печать лжелегитимизма, т. е. того же родового и религиозного монархического начала, которое создало все наше государственное величие».

^[20] Леонтьев К. Византизм и славянство. — М., 1876.

^[21] Дугин А. Геополитический индекс в истории христианства / Доклад на VI Всемирном русском народном соборе в 2001 г. URL: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=647>

^[22] Леонтьев К. Византизм и славянство. — М., 1876.

^[23] Геворкян А. Р. Идеология византизма // ИСН. URL: <http://socius.ru/backup/publish/ideolvizant.htm>

их форма христианства остается неизменной от Апостолов. Любой студент-историк знает, что это не так, но каким-то парадоксальным образом идея ортодоксальности, восходящей к апостолам, закрывает глаза сторонникам византизма и заглушает всякую мысль о реформации существующего церковного порядка. Латинское христианство не боялось самокритики и реформ, хотя многие из них далеко не всегда соответствовали Духу, Который формировал христианство, и Слову Божьему, но они смело делали попытки более адекватно отразить Истину, и это позволяло хоть иногда достигать резонанса с историческим движением Духа Святого.

Еще одной особенностью византизма был автократизм, покорность и некритичность по отношению к власти и послушничество. Словарь иностранных слов указывает такую отличительную черту византизма, как «раболепство перед государственной властью вообще»^[24]. Государь-автократ всегда надеялся на Востоке чуть ли не божественными полномочиями. Начиная от Диоклетиана, перед императором падали ниц, всегда преклонялись и послушно шли за любым хозяином (царем, вождем и пр.). Антон Карташев приводит в своей брошюре мнение, которое, впрочем, оспаривает: «православие не поддается никаким видоизменениям, оно вечно связано с автократией, связано не внешне, а внутренне. Следовательно, и реформа не освободит его от этого, имманентного ему, принципа. Следовательно, и об освобождающей реформе говорить, в сущности, невозможно. Это иллюзия»^[25]. Действительно, такое отношение к власти заглушает всякую мысль о свободной и народной Реформации.

Также важной чертой византизма является социальная пассивность и приоритет созерцательности над деятельностью. С точки зрения проведения реформ это означало, что они могли происходить только от руководства, что и подтверждается исторической действительностью.

Другой чертой византизма, разрушающей саму основу развития духовной жизни, была храмовость восточной ментальности. То есть она выявляет свою христианскую сущность только в храме. По словам В. Соловьева, Византия «хотела подрыть самую основу здания христианского мира, напав на центральную власть вселенской церкви; она подменила в общественной жизни закон Евангелия традициями языческого государства. Византийцы полагали, что для того, чтобы быть воистину христианином, достаточно соблюдать догму и священные обряды православия, нимало не заботясь о том, чтобы придать политической и общественной жизни христианский характер».^[26] Как отмечал Д. Бинчаровский, «православный человек остается православным только в храме. И не потому, что лицемер, а потому что не знает, что такое православие вне храма. В Украине не знают, что значит быть православным на работе и на отдыхе, в семье и деловых отношениях, в науке и быту, в искус-

^[24] Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Ред. А. Н. Чудинов. — СПб., 1910.

исполнение церкви. — Петроград: «Корабль», 1916.

^[25] Карташев А. Реформа, Реформация и

^[26] Соловьев В. Россия и вселенская церковь. — М., 1911.

стве и политике. Собственно, православным нельзя *быть*; православным можно *побыть* – в храме. Покидая храм, православный опять обретает столь привычную для него сущность «просто человека». Осеня себя крестным знаменем при выходе из храма, он прощается не с храмом, а с православием: до скорой встречи! (т. е. до следующего воскресенья или праздника).^[27]

Западное христианство также давало много лицемерия и двоеверия, также предлагало много храмовости, но при этом дух критики и индивидуальной ответственности позволял преодолевать самоограничение и меняться. В сравнении с этим славянский мир, по мнению В. Бачинина, «продолжают роднить с Византией две характерные черты. Первая – это убежденность в том, что она всегда права, а вторая – это институты тоталитарной государственности»^[28]. Эти черты вряд ли допустят реальную Реформацию в Восточную Европу. В таком случае выбор в способе реформирования общественных и церковных структур не так уж велик. История доказала, что социальные системы могут меняться только тремя способами – через Реформацию, Революцию или Диктатуру^[29]. Преобразования на Западе стали возможны в форме Реформации, на Востоке пока только в форме Революции и Диктатуры. Что ожидает восточные церковные организации в ближайшем будущем?

Предостережения для будущего

Одной из главных проблем многих церковных реформ, независимо от того, были ли они медленные, растянутые во времени, «ползучие» или бурные, яркие и стремительные, является недостаточное внимание **к критерию реформ**. Как проверять правильность реформ? Какие именно изменения можно и нужно вводить, а какие будут иметь разрушающее действие? Восток, при всей официальной боязни реформ, проводя изменения, постоянно ссылался на «древность». Древность считалась критерием истинности, хотя еще Киприану приписывают слова: «Древность может быть только древностью заблуждений». Понятно, что ссылка на отцов очень двусмысленна. Один из богословов заявлял, что при желании может найти у отцов церкви оправдание любой еретической теории. Более юридически воспитанный и законопослушный Запад часто искал оправдание реформам в эффективности и целесообразности, то есть ориентируясь на меняющийся мир. Но и такой подход неизбежно приводит к саморазрушающим изменениям.

Европейские реформаторы XVI века провозгласили, что «*Solo Scriptura*» (Только Писание) может быть мерилom и эталоном реформ. Но если в те времена они ставили критические вопросы к Преданию, видя в нем много чисто человеческого, а не Божьего, то в XIX веке мир поставил такие же вопросы к

^[27] Бинцаровский Д. *Semper Reformanda*: метод евангельского реформатского богословия в украинском контексте. URL: <http://www.reformed.org.ua/2/249/1/Bintsarovskiy>

^[28] Бачинин В. А. Византизм и визан-

тизм. URL: <http://credonew.ru/content/view/509/57/>

^[29] Нередко они оказываются связанными между собой, как это показал Л. Троцкий в своей работе «Перманентная революция».

Писанию. Идея реформ продолжалась! Библия тоже стала восприниматься научным сообществом как чисто человеческий текст, к которому применимы все методы обычной текстуальной критики. И. Мейендорф верно замечает, что «на самом же деле зародыш этой проблемы был уже в критическом отношении Лютера к «соломенному посланию» Апостола Иакова. Так или иначе, современный библейский критицизм вызвал настоящую революцию в большей части протестантского мира»¹³⁰¹. Конечно, общины веры должны проверять себя, свои взгляды и действия на соответствие древности, то есть истинной апостольской традиции, но где она сохранилась в чистоте? С другой стороны, безусловно, каждая церковная структура должна быть адекватной и понятной окружающему обществу. Церковь должна выйти из церковной ограды и показать миру, для которого Бог умер, что Господь жив и реально живет в самой церкви. Но здесь ее подстерегает опасность стать неразличимой с миром, слиться с ним, ища наибольшей адекватности, понятности и эффективности.

Ясно, что единственным критерием реформ может быть Откровение Божье, но не только в виде Библейского текста, но как синергия Текста и Духа. Классическую магистерскую Реформацию многие обвиняют в излишней сухости и схоластичности, которую она восприняла, воюя против католической схоластики. Так бывает почти всегда – победитель воспринимает дух побежденного. Желание первых реформаторов сделать живого Бога близким и реальным каждому человеку уже буквально через 100 лет превратилось в формальную религиозность с холодной ортодоксией. Главный акцент в протестантизме стал делаться на правильной, чистой доктрине и на участии в богослужении. Жизненная сила Христа в поведении каждого члена церкви не ставилась на первое место, а святость констатировалась по выполнению внешних пуританских правил. Это вело к традиционализму и пассивности. И, возможно, одной из главных причин такого состояния было практическое отвержение официальными структурами всякого мистического опыта и подчеркивание важности только библейского текста.

Такое состояние неизбежно вело к тому, что Господь пробудил новую волну Реформации – ревайвализм и пиетическое пробуждение, которые были нацелены не на изменение доктрин и церковных структур, а на изменение жизни. На практике это удавалось плохо. Почти всегда возникали новые группы и движения. Пиетизм в Германии инициировал создание моравской церкви, а методизм в Англии родил методистскую церковь. Так же случалось и в других местах.

Некоторые группы радикальной реформации пошли противоположным путем – они делали главный акцент на личное откровение, практически не проверяя его библейским текстом. Это известное мюнстерское движение анабаптистов во главе с Яном Матисом (ум. 1534) и Иоанном Лейденским (ок.

¹³⁰¹ Прот. Иоанн Мейендорф. Значение Реформации как события в истории христианства / Доклад, прочитанный 10 июля 1963 г. в Монреале, «Вера и Церковный по-

рядок» Всемирного Совета Церквей. «Православие в современном мире». – М.: Путь, 1997. – С. 129-148. URL: <http://orthodox.ru/olb/275.php>

1509–1536), крестьянское восстание во главе с Томасом Мюнцером (ок. 1493–1525) и другие группы. Их тоже ждала историческая неудача. Оказалось, что очень непросто найти гармонию между Духом и Текстом, поэтому история христианства последних веков – это история реформ и фундаменталистской реакции на них. Это легко проследить в позднепротестантских движениях XIX и XX веков.

В постмодернистском мире необходимость церковных реформ чувствуется особенно сильно, потому что мир стал меняться очень быстро. Как говорил Бонхеффер, «он повзрослел» и вышел из объятий христианства. К концу XX века практически все бывшие христианские страны в разной степени отделили церковь от государства и стараются сделать ее «частным делом» граждан. Независимое положение церковных общин открыло двери для многих экспериментов в области реформ и поставило новые вызовы для лидеров конфессий и групп. Очевидно, что исторический опыт церковных реформ заставляет учесть по меньшей мере две крайние ошибки.

Предостережение от ошибки, которую часто делают реформаторы-радикалы, можно сформулировать так:

Реформация – не инновация

Слишком часто евангельские церкви идут на риск организационных и богословских реформ, заботясь только о том, чтобы угодить меняющемуся миру, успеть за его модой и формой жизни, оправдывая это миссионерским порывом. Но при кажущемся изменении только формы частично меняется и богословие. Не говоря уже о том, что мощные богословские школы активно работают над развитием богословской мысли. Каждый доктор богословия, чтобы получить степень доктора, должен внести что-то новое в общую кладовую богословского знания (хотя, к счастью, этот тезис сегодня не всегда работает) и самый простой путь для этого – предложить небольшую реформу в традиционном богословском понимании. Так Реформация, которая должна проходить по указанию Божьему и по Его Слову, часто превращается в инновацию, то есть в простое введение какого-нибудь новшества, эффективность которого оценивают чисто рыночными факторами – рост числа членов и рост бюджета церкви. Но при этом полезно помнить слова Генри Нувена (Henry Nouwen): «Мы живем в культуре, которая измеряет ценность человеческой личности по степени успешности и продуктивности... Но не можем ли мы смотреть на слабости как на возможность стать плодотворным? Плодовитость в духовной жизни связана с любовью, и эта плодовитость очень сильно отличается от успеха или производительности»^[31].

Черное богословие, гендерное богословие, а теперь и рыночное богословие, не говоря о движении появляющейся (или возникающей) церкви, представило миру совсем другое христианство. Соответствует ли оно духу Христа

^[31] Nouwen Henri J. M. Finding My Way Home: Pathways to Life and the Spirit.

и неизменному Слову Бога? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно. Можно не сомневаться, что Дух Святой будет постоянно трудиться над тем, чтобы вечное Евангелие было контекстуализировано и понятно людям, высказано на языке их культуры и понимания. И все же нам всем полезно вновь и вновь напоминать главный принцип христианства: «**Изменяющемуся миру – неизменное евангелие!**»! Реформация – это не просто изменение формы в соответствии с контекстом, а изменение того, что отстает от развития Духа. Контекст меняется от действия Бога, от действия людей и от действия сатаны. Поэтому нельзя просто подстраиваться под контекст. Это как раз то, что часто делают инновации, но не должна делать реформация.

Может быть, почаще стоит вспоминать опыт исторических церквей, которые, введя много инноваций в IV–V веке, остановились в своих экспериментах и пришли к лозунгу *semper eadem* – всегда одно и то же, никаких изменений. Но с другой стороны, тем, кто считает себя ортодоксом и консерватором и выступает против всяких изменений (придерживаясь *semper eadem*), следует также высказать предупреждение:

Реформация – не реставрация

Для евангельских церквей не менее часто, чем инновация, характерно слово «реставрация», то есть бытует устойчивое мнение, что именно «наша традиция» (тут каждый подставляем имя своей конфессии) восстановила апостольское христианство в его чистом, первоизданном виде, и если какие-то незначительные детали и не восстановлены, то теперь их надо реставрировать в том виде, как они выглядели у Апостолов и у Самого Христа. Методологический посыл, стоящий за таким подходом, очень прост и всем понятен: в первые дни после дня Пятидесятницы в церкви все было правильно и хорошо, а потом люди все испортили и продолжали портить весь период Средневековья, а теперь христианство вновь реставрировано в неповрежденном виде в лице моей деноминации (или общины). Несмотря на иронию, такой взгляд очень широко распространен в настоящее время.

Во многих общинах пытаются повторить ритуалы иерусалимского христианства, даже обычаи и форму поведения; правда, крайне редки случаи общности имущества, но нешуточные споры идут по поводу количества чаш во время хлебопреломления, состава хлеба и вина и прочее. Похоже, что реформацию при таком подходе воспринимают как точное повторение внешних форм раннего христианства, а реальные реформы в общинах не приветствуются, потому что и так все хорошо. Фактически, все, что требуется при таком подходе – это защищать церковь и все, что в ней есть (музыку, одежду и прочее), от тлетворного влияния мира. Вот как считает руководитель одного из христианских союзов: «Ученики Христа не реформаторы, а послушные проводники воли Божьей! Не вводя ничего нового, своего человеческого, не утверждая своего авторитета и не проводя своей реформы, они должны открывать учение Христа и повторить потерянные, давно забытые истины Христовой

жизни!»^[32] То есть, повторение без всяких изменений, хотя реальность жизни совсем другая. Реально изменения происходят, но они неконтролируемые и о них предпочитают молчать.

Почему же все-таки нельзя останавливаться в Реформации? Почему она должна быть постоянно продолжающейся?

Во-первых, если останавливается Реформация, начинается Деформация!

Это непреложный библейский принцип. В духовной жизни остановки невозможны. Если не будут прилагаться усилия для движения вперед, то без всяких усилий община «откатится» назад. Эту истину легко подтвердить и библейской историей, и историей христианства. Дух Святой не статичен, Он как ветер. Голос Его слышно, а откуда приходит и куда уходит – не известно (Ин.4:8). Он открывает новые горизонты и новые понятия, и надо следовать за Ним туда, куда Он ведет. Но если устало сесть на привычную церковную скамью и остановиться в движении за Ним, то возникает большой риск не застоя, а движения назад и потери тех духовных ценностей, которые некогда были обретены отдельным человеком или общиной.

Во-вторых, Реформация всегда проактивна^[33], в то время как Реставрация всегда реактивна.

Реставрируя старое, люди просто реагируют на изменения, а не управляют ими. Кевин Ванхузер именно в этом упрекает современное евангельское движение. В Кембриджском компендиуме евангельского богословия он отмечает, что современный евангелизм «*is not always reforming but always reacting*»^[34] (не всегда реформирует, а всегда только реагирует). Следует помнить, что те, кто останавливают Реформацию как движение вперед, теряют инициативу в церкви, а по меткому выражению современных политиков, «кто не проводит реформацию, к тому поступит революция».

И в-третьих, Реставрация замыкает нас в прошлом, в то время как Реформация связывает нас с настоящим и ведет в будущее.

Никогда в истории христианства не было «золотого века», к которому надо было бы вернуться и удержать его. Попытка вернуться назад выглядит весьма неплодотворной. Даже движение *Primitive Baptists*, которое полностью отвергает музыкальные инструменты и выводит свое происхождение от Апостолов, а не от Кальвина, хотя в реальности они самые строгие и последовательные кальвинисты, не может претендовать на идеальное сообщество. Карл Барт называл попытки реставрации апостольского века «экклезиологическим романтизмом».

Конечно, традиционализм очень важен в христианстве и имеет право на собственный способ поклонения Христу, так как благодаря выработанным

^[32] Так пишут руководители христианского Союза «Единение во Христе» М. и Н. Смирновы на своем официальном сайте http://uhendus-kristuses.com/publ/dm/solnce_zhizni/quot_edinenie_vo_khriste_quot_i_ego_idealy_17-1-0-515

^[33] Понятие проактивности здесь понимается вслед за Виктором Франклом («Человек в поисках смысла») в смысле активного действия в соответствии со своими жизненными ценностями и принципами, независимо от внешних обстоятельств.

некогда исповеданиям веры и ясным доктринальным определениям, современное христианство сохраняет каркас веры. Но при этом каждое поколение христиан все же вынуждено заново открывать уже известные в истории истины, чтобы сделать их своими в сердце, а не только в разуме. Поэтому обращение назад, к прошлому опыту, как и движение вперед, должно быть инспирировано Духом Святым и непрерывно проверяться Словом Божиим.

Заключение

Semper Reformanda – это не событие, происшедшее в XVI веке, а процесс. Он реально происходит во Вселенной под руководством Того, Кто управляет всем, но в общинах веры этот процесс доверен людям, которые и составляют Его Вселенскую Церковь. Как поэтично отметил Юрген Мольтман, Реформация – это «событие, которое держит церковь и богословие задыхающимся от неизвестности, событие, которое наполняет церковь и богословие дыханием жизни, событие, постоянно делающее историю, событие, которое никогда не закончится в этом мире, процесс, который придет к завершению и отдыху только в Парусии Христа»^[35].

Исторически этот процесс по-разному проходил и проходит на Западе и на Востоке. В Восточной Европе он был пленен византизмом и потому совершался и продолжает совершаться чаще всего либо через диктатуру, либо через революцию. На Западе он в основном принимал формы Реформации.

Реформация продолжается сегодня. И ее идея – это гармоническое движение по спирали «вбирая старое и формируя новое». В частности, это движение, которое можно описать словами: «**Неизменное евангелие – изменяющемуся миру**». Критерием правильности такого движения должно быть движение Духа, проверенное Словом Божиим.

Фактически, *Semper Reformanda* означает внимательное и серьезное переосмысление того, как евангельские принципы имплементируются в современную жизнь и дают ответы на сегодняшние богословские вопросы.

Услышит ли современное христианство вызов «*Ecclesia reformata, semper reformanda, secundum verbum dei*»? Поймет ли, что Реформация – это не инновация, но и не реставрация? Согласится ли принять на себя ответственность не останавливаться в Реформации? Хотелось бы, чтобы эти вопросы услышали не только церковные руководители, но и простые верующие люди, которые и составляют Тело Христово.

Другими словами, современное христианство нуждается в Реформации и будет нуждаться в ней до тех пор, пока не соединится со Христом.

^[34] Vanhoozer, Kevin J. The Triune God of the Gospel // The Cambridge Companion to Evangelical Theology / Ed. T. Larsen and D. J. Treier. – Cambridge: CUP. – P. 17-34. <http://universitypublishingonline.org/cambridge/companions/chapter.jsf?bid=CBO9781139001366&cid=CBO9781139001366A007>

^[35] Moltmann, Jurgen. Theologia Reformata et Semper Reformanda // Toward the Future of Reformed Theology: Tasks, Topics, Traditions / Ed. D. Willis and M. Welker. – Grand Rapids: Eerdmans. – P. 120-135.